

Врач погиб, и у больничного крыла очень скоро появился новый главный врач — словно ничего и не произошло.

Я заперлась в полумраке своей комнаты, улеглась на привычное место и сквозь ткань одежды ощутила леденящий холод пола, который, впрочем, вряд ли мог сравниться с тем холодом, что чувствовали они, когда упали бездыханными.

Есть ли у меня теперь хоть какая-то причина, способная меня поддержать?

Командир с некоторым насилием толкнул дверь, вошел в комнату, поднял меня на ноги и крепко сжал мои плечи обеими руками:

— По крайней мере, есть я, я ведь всегда рядом.

Командир уже давненько не укладывал волосы гелем: короткие пряди закрывали ему лоб и глаза. Он был похож на затаившего злобу степного льва, балансирующего на грани срыва — такой облик мне доводилось часто видеть в дни, проведенные на арене.

Заметив, что я по-прежнему остаюсь полуживой, он подавил вспышку раздражения на дне глаз и постарался как можно мягче вытащить меня наружу.

Вокруг лагеря густым облаком витал едкий запах артиллерийских выстрелов. Он был мне неприятен, обжигал горло и норовил выгнать весь воздух из моих легких, словно чья-то сильная рука безжалостно вцепилась мне в горло, не давая вздохнуть.

— Больно ведь, верно? — Силуэт командира казался длинным в лучах заходящего солнца, его плечи слегка дрожали. — Товарищи уходят один за другим, и это притом, что наш наниматель — все еще сплошной дурак на троне.

— Но ничего не поделаешь, мы должны выжить.

Мою руку сжали чуть сильнее: его крепкая рука надежно удерживала меня, властно втягивая в круговорот судьбы и на корню пресекая любые мысли о том, чтобы оглянуться назад.

— Мои жена и ребенок уже мертвы, а я выжил.

— Твои товарищи по арене погибли все до единого, а ты выжил.

— Ты считаешь выживание грехом?

Голос Лоэнлайса хрипел, но он старался смягчить тон и тихонько позвал меня:

— Фиалка.

— Они выбрали не бросить тебя, а подарить тебе надежду. Попробуй вернуться из этого тупика, где надежда догорела дотла.

Мое сердце забилося чаще, я отчетливо почувствовала, как слегка дрожат зрачки, хотя эта фраза звучала донельзя пафосно.

Командир неизменно умел своими глубокими глазами видеть меня насквозь, разглядывать всю мою уродливую трусость и самоедство, после чего тихо спрашивал:

— Если однажды я превращусь в камень, ты все равно станешь называть меня командиром?

— ...Разве сейчас подходящее время для шуток?

Увидев, что я молчу, командир с легким облегчением улыбнулся.

Лоэнлайс и сам на мгновение замер, не понимая, с чего это вдруг он произнес столь ребячливые слова. Он ослабил хватку, привел меня в столовую и тихо сказал:

— А теперь командир хочет, чтобы ты нормально поела.

Срочно! Крутой поворот сюжета!

Глядя на то, как командир выбирает для меня еду, я почувствовала, как в груди все сжалось от горькой боли.

Военная база противника была взорвана, и по логике вещей задание считалось выполненным.

Однако я стояла на открытой площадке среди ненавистного дыма и гари от взрывов, а мои ноги были словно свинцовыми и не сдвигались с места ни на дюйм.

Базу взорвали вовсе не наши бомбы — ее намеренно заминировал противник.

Прямо передо мной лежало изуродованное до неузнаваемости тело командира. Тяжелый запах крови вперемешку с едкой гарью ударил в самый нос, заставив желудок судорожно сжаться и перевернуться.

Я опустила голову, вся испачканная в липкой и теплой крови — ее вязкое прикосновение вызывало отвращение, а в голове царил полный хаос и абсолютная пустота.

— ...Командир?

Если я превращусь в камень, ты все равно станешь называть меня командиром? Хриплый голос Лоэнлайса, пошутившего тогда, казалось, звучал еще вчера.

Превратиться в камень? Теперь-то ты и вправду станешь холодным каменным надгробием, командир, и в этом нет ни капли смешного.

Зрение окончательно заволгло туманом, горячие слезы покатались по щекам, смешиваясь с кровью. Мои ноги подкосились, я тяжело рухнула на колени, уперевшись руками в землю.

Предельное горе, гнев и глухое отчаяние стерли в порошок все остатки рассудительности. Я безумно заскребла ногтями по земле под ногами, грубый песок и камни разодрали пальцы до крови. Уткнувшись лицом в землю, я иступленно закричала, срывая голос, словно лишившаяся всего дикий зверь на грани безумия.

Я прибывала в каком-то сомнамбулическом тумане, в голове гулял пустой ветер, а внутри осталась лишь онемелая пустота.

Я словно дикий зверь вернулась к тем рукопашным схваткам на гладиаторской арене и бесцельно зачищала углы, истребляя остатки разбегавшихся по базе врагов, пока вокруг не стибли последние признаки живых людей.

В нашем отряде в конце концов осталась только я одна.

Все товарищи, с которыми мы плечом к плечу шли в бой, навеки остались здесь, усеяв своими телами безжизненную холодную базу. Никто не пришел, чтобы забрать их тела, никто не проводил их в последний путь. Тот наниматель, о котором то и дело вспоминал командир, не прислал ни единого человека в подкрепление.

С самого начала и до самого конца нас давно уже бросили.

Я чертовски устала.

Тело и душа были истощены до предела, не осталось сил даже на то, чтобы держаться на ногах. Бесчисленные раны, пронзительная усталость и накатывающая волна горя опутали меня по рукам и ногам, придавив так, что вздохнуть было невозможно.

Мир перед глазами начал темнеть, конечности окончательно ослабли. В каком-то полубреду я увидела множество людей в белых халатах, быстро бегущих ко мне.

Похоже на целителей, исцеляющих мир.

Впрочем, это наверняка просто очередной ад...

<http://bllate.org/book/21192/2145560>